

О возвращении Солженицына в Россию, разногласиях с ним и странном нападении в подъезде

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1714>

🎤 12 июня 2014

Собеседник

Чуковская Елена Цезаревна

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 12 июня 2014 и опубликована 1 июля 2016.

Введение

Завершающая часть цикла бесед с Еленой Цезаревной Чуковской посвящена работе с.а.и. Солженицыным. В пятой беседе Чуковская касается расхождений во взглядах с Солженицыным, которые впервые проявились в работе над «Архипелагом ГУЛАГ» и касались освещения истории власовцев. В беседе также затрагивается тема возвращения Солженицына в Россию. Чуковская полагает, что оно стало для Солженицына «трудным», поскольку он был оторван от жизни страны в течение двадцати лет.

В продолжение беседы Чуковская возвращается к началу своего сотрудничества с Солженицыным, рассказывает о правилах конспирации, «жучке», спрятанном в люстре, отказе от имен собственных в разговорах и своих сравнительно спокойных отношениях с КГБ. Два серьезных происшествия — нападение в подъезде и автомобильную аварию — Чуковская склонна считать не спланированными покушениями на ее жизнь, а несчастными случаями.

Елена Цезаревна Чуковская: Мне кажется, по Александру Исаевичу, что вернуться очень трудно. Он вернулся уже совсем другим и в нашу жизнь просто не вполне вошел.

Николай Александрович Формозов: Может быть. А в чем, какие вы признаки этого видите?

Е.Ч.: Признаков никаких, конечно. Он проехал всю страну, все видел, выступал, читал... Но просто очень оторвался от этих лет прошедших...

Н.Ф.: Он немолодым человеком вернулся, конечно.

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: Он вернулся в 1994-м, то есть ему было соответственно...

Е.Ч.: В 1918 году родился.

Н.Ф.: В 1918-м родился, то есть было уже семьдесят...

Е.Ч.: Семьдесят шесть.

Н.Ф.: Семьдесят шесть лет, да.

Е.Ч.: Он вернулся в хорошем состоянии. Просто есть какой-то отрезок пути, двадцать лет страны, и все мы, или многие, были в каком-то одном настроении, а он приехал совсем в другом.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: Это трудно сказать. Конечно, он приехал с языком, с историей, с тем, что он там жил этим всем, читал и был вполне в курсе дела, но эти отрезки непрожитой жизни, они как-то сказываются. Мне трудно сформулировать.

Н.Ф.: Конечно, какой-то воздух, воздухом этим надо дышать.

Е.Ч.: Видимо. Но, может быть, я и ошибаюсь, не знаю.

Возвращение А.И. Солженицына в Россию, 1994. Источник: ИТАР-ТАСС

Н.Ф.: Нет, это, конечно, очень важное, интересное наблюдение. Но как-то, знаете, сравнивая то, что он описывает в «Невидимках», и то, о чем вы рассказывали, с тем, как он жил в последние годы, у меня ощущение, что круг общения очень сузился.

Е.Ч.: Да, он был задавлен работой, интервью, письмами, — в общем, всем, каждый день. И у него не было тех сил, которые были в 1960-е годы, когда он ездил по стране, опрашивал сидельцев для «Архипелага». Кого я видела, с кем он общался, это был его ординарец, с которым он вместе воевал...

Н.Ф.: У вас здесь встречались, да?

Е.Ч.: Я его помню, Илью Соломина. Потом все его бывшие ученики, то есть не все, но многих я видела тоже.

Н.Ф.: Вы имеете в виду после возвращения?

Е.Ч.: Нет.

Н.Ф.: Тогда?

Е.Ч.: Тогда. Люди, с которыми он как-то в жизни пересекался. Он с ними продолжал общаться. Плюс были историки, которые ему были нужны для «Красного колеса», были свидетели «Архипелага», были литературные люди. И он со всеми виделся, разговаривал, участвовал в их жизни. Конечно, когда он вернулся, не знаю, может быть, он тоже участвовал... даже наверняка виделся со многими... Я просто

этого не знаю.

Н.Ф.: Такого нет ощущения.

Е.Ч.: Ну он как-то, в Академию его выбрали, он виделся, я думаю, с академиками.

Н.Ф.: Не знаю... Во всяком случае...

Е.Ч.: Первое время он приходил еженедельно в представительство, сам там сидел и тоже с кем-то встречался постоянно.

Н.Ф.: А, по вторникам, да?

Е.Ч.: Да-да-да-да. Ну это так, первые годы, несколько лет. Конечно, читал все наши газеты. В общем, конечно, не так участвовал, как если бы он прошел все эти годы здесь, вместе с нами.

Начало сотрудничества с Солженицыным

Н.Ф.: Да, понятно. Мы с вами добрались уже до работы... в последовательном изложении вашей жизни, и вы мне рассказывали про институт.

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: Что институт был хороший, что вы защитили диссертацию, и все-таки решили, когда познакомились с Александром Исаевичем, броситься ему помогать. Вы представляли, какой это объем работы?

Е.Ч.: Нет.

” Знаете, я не решила броситься ему помогать и совершенно не представляла себе объем работы. Просто, когда он приехал и мне рассказывал, что сам печатал «Круги», меня это изумило. Я сказала: «Давайте я вам помогу».

Потому что постоянно что-то печатала для Корнея Ивановича, но совершенно не представляла себе [объем], потому что я печатала странички, и когда он мне написал сперва открытку, а потом привез «Раковый корпус», конечно, я была в некоторой панике...

Н.Ф.: Как вы успеете.

Е.Ч.: ...как я успею. Но я сидела вечерами — в общем, успела. Дней, по-моему, за десять я все это напечатала.

Н.Ф.: Ну то есть фантастическая скорость.

Е.Ч.: Напечатала я быстро действительно, но было там у меня несколько ошибок. Александр Исаевич страшно удивлялся, как можно сделать ошибки. Он говорил, что каждую страницу перечитывал, чтобы ошибок не было. И, конечно, я и в мыслях не представляла себе, сколько вопросов, дел, людей, обстоятельств обрушится, я просто считала, что такую ерунду как печатание надо снять с него, который занят многим другим.

Н.Ф.: Понятно. Понятно. То есть у вас не было никакой...

Е.Ч.: А потом, когда начали накручиваться эти дела, тогда уже приходилось время экономить и с ними справляться, хотя это было, конечно, трудно.

Н.Ф.: Понятно.

Е.Ч.: Тем более что я тогда ходила на работу каждый день.

Н.Ф.: А вот опять же у вас и у Александра Исаевича есть такая идея, что никакие разговоры не велись под потолками.

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: Но известно, что у своих друзей Кобзевых он вел очень...

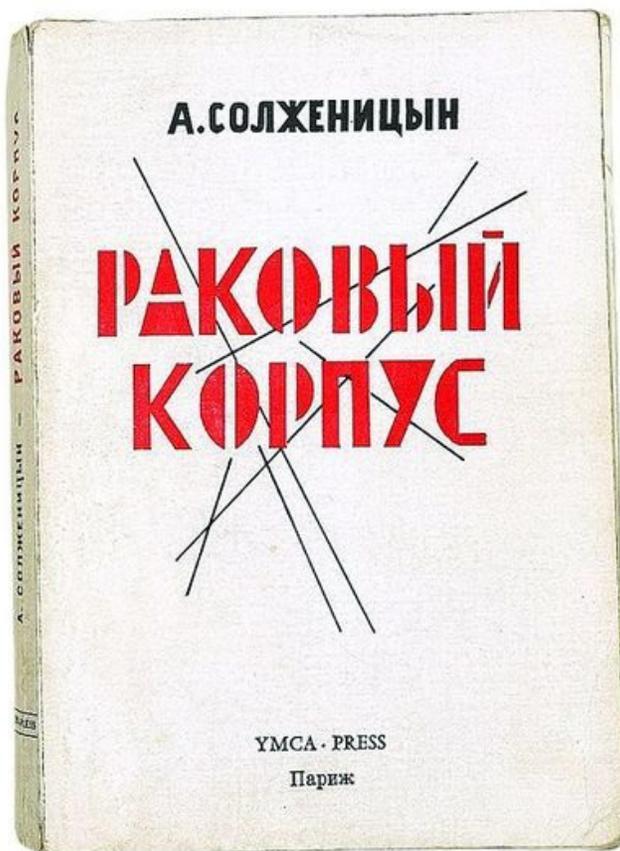
Е.Ч.: Но его тогда записали в 1965 году, «Кремлевский самосуд»* меня поразил, конечно, что они все это записали. Но у нас из этой люстры вытащили подслушку, когда был ремонт в 1995 году. Из дома не звонили по телефону...

Н.Ф.: То есть тогда уже было такое правило. Это какой год?

Е.Ч.: Ну, это был год... Он появился в 1965-м — в 1966 году и далее.

Н.Ф.: Уже тогда было правило, что никаких серьезных разговоров...

* Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне / сост. : А.В. Коротков, С.А. Мельчин, А.С. Степанов. - М. : Родина, 1994.

Обложка первого издания «Ракового корпуса»

Е.Ч.: Нет. Никаких имен, во-первых, — все были переименованы. Кстати, когда мы были на даче, никого

не называли по именам, у всех были имена другие, каждого звали по-другому. Никогда он не звонил по телефону от нас, и я, если ехала куда-то, никогда не звонила, не сообщала ни время, ни куда, ни что, ни почему. До сих пор у меня есть, вы видели, наверное, такие дощечки, на которых писали.

Н.Ф.: Да-да.

Е.Ч.: Да, было такое время. Подушки [клали] на телефон.

Н.Ф.: Обсуждая то, что вами двигало, Александр Исаевич пишет такую загадочную фразу: «А тем более нужен был ей духовный двигатель, если не убежденность, то сознание убежденности».

Е.Ч.: Там, конечно, много яда, но я не знаю...

Н.Ф.: Я не очень это понимаю, честно говоря.

Е.Ч.: У меня была полная убежденность, конечно, что надо помочь ему в том, что он делает, иначе я бы этим не занималась.

Н.Ф.: А какой яд вы здесь находите? У Солженицына все-таки очень ясный язык, и я здесь не очень понимаю, что он хотел сказать.

Е.Ч.: Дело в том, что постепенно выяснилось, со временем, что я далеко не все его убеждения разделяю. Это выяснилось, с полной, так сказать, очевидностью. Может быть, это и заключено в этой фразе, что многих его убеждений у меня нет.

Н.Ф.: То есть если нет, то я не понимаю, почему тогда надо сказать «сознание убежденности»?

Е.Ч.: Не знаю, это вопрос к автору.

Н.Ф.: Понятно. А как это выяснялось, что все-таки вы...

Начало расхождений с Солженицыным

Е.Ч.: Дело в том, что я тогда шла бесконфликтно до письма патриарху Пимену, которое я, к глубокому изумлению Александра Исаевича, отказалась печатать и распространять. Это первое было такое [расхождение].

Н.Ф.: А что вам там не понравилось?

Е.Ч.: Нет, мне не понравилось. Я же не просто сидела и переписывала.

” От меня ожидалось, что я буду встречаться, как обычно, будут приезжать какие-то люди, я буду это передавать, — то есть это часть какой-то общественной работы. А я не хотела заниматься общественной работой в полемике с нашей Церковью, считая — вот как раз у меня есть убежденность, — что это совершенно не годное для меня дело. Я человек неверующий, обстоятельств этих совершенно не знаю, какие должны быть патриархи, мне неизвестно... Это не мой сюжет.

Н.Ф.: Ну да, понятно.

Е.Ч.: Я считала, что...

Н.Ф.: ...распространять надо то, во что веришь.

Е.Ч.: Безусловно. Я должна была пересекаться с людьми, им это передавать с тем, чтобы они это куда-то [передали]... Очень часто приезжали из других городов, — в общем, распространялись какие-то вещи, в ценности которых я была убеждена. Здесь была затронута тема, от меня совершенно далекая, и я считала, что не должна этим заниматься.

Н.Ф.: И этот разговор, вы помните его, наверное, хорошо?

Е.Ч.: Да нет, не очень хорошо помню. Я помню, что просто сказала, что отказываюсь этим заниматься, и все.

Н.Ф.: И он очень удивился.

Е.Ч.: Не знаю, удивился, не удивился, это уже не знаю. Но, видимо, удивился, раз оставил строку. Я очень сложно отнеслась к «Красному колесу».

Мне интересна была работа подготовительная, то, что я читала, книги Шингарева, то, что узнавала об этом времени, это все было очень интересно. А во что это воплотилось — вызвало у меня сомнения, о которых я писала Александру Исаевичу. Существует переписка, и...

Н.Ф.: Она не опубликована.

Е.Ч.: ...она не опубликована. Что-то его очень задело. А писал он уже после этого всего. Он уже видел, что тут не полное единомыслие.

Н.Ф.: Но это происходило, наверное, когда он был еще здесь, да?

Е.Ч.: Нет, почему, мы переписывались, когда его выслали.

Сообщение ТАСС

Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А. И.

Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтет необходимым.

Сообщение ТАСС о высылке Солженицына. Известия, 15 февраля 1974

Н.Ф.: То есть полемика по поводу «Красного колеса» уже происходила, когда он был выслан?

Е.Ч.: Да-да, конечно. И потом, когда он прислал... в 1990-м или 1991 году он прислал главы «Невидимок» и просил получить согласие всех упомянутых, в том числе свое согласие дать. Я посмотрела, не со всем согласилась, но решила, что не мое дело это редактировать и комментировать...

Н.Ф.: Вот сейчас есть возможность прокомментировать.

Е.Ч.: Да, а сейчас я уже не так хорошо помню, что комментировать. Тогда я, по-моему, что-то поправила, кажется, он написал, что у Корнея Ивановича было четыре внука, а их было пять. То есть какие-то...

Н.Ф.: Мелочи.

Е.Ч.: ...поправила какие-то мелочи, а по сути не стала разбираться.

Н.Ф.: Но вам показалось, что он не совсем прав, да?

Е.Ч.: Ну как может быть человек прав или неправ, когда он пишет *свой* взгляд?

Н.Ф.: «Я не была согласна», вы говорите.

Е.Ч.: Ну, например, с той фразой, которую вы достали, я не очень согласна.

Н.Ф.: Она для меня загадочная, потому что обычно у него все предельно ясно сказано...

Е.Ч.: Я не всегда была согласна. Например, когда вышла моя статья в «Книжном обозрении». Я уже с Александром Исаевичем несколько лет не переписывалась в это время, он о ней, естественно, ничего не знал, то есть узнал из печати. Были большие отклики там на нее.

Н.Ф.: Это статья о чем, какая?

Е.Ч.: Была такая статья «Вернуть Солженицыну гражданство СССР»...

Н.Ф.: Да-да.

Е.Ч.: ...которую «Книжное обозрение» напечатало. Собственно, там впервые упомянут «Архипелаг». Александр Исаевич пишет, что я о нем написала, «подглаживая» его под советского. Но там всего советского я написала, что пора прекратить затянувшуюся тяжбу с офицером Советской армии, с учителем... перечислила его занятия здесь. Так что у него свое виденье и...

Н.Ф.: Кстати, этой фразы нет в «Невидимках».

Е.Ч.: Но где-то она есть, я ее не придумала.

Н.Ф.: По-моему, Александр Исаевич всегда гордился своей военной биографией и тепло вспоминал своих однополчан.

Е.Ч.: Нет, это бесспорно. Он мне когда-то подарил, но у меня пропала эта бумага, как раз о его реабилитации в ответ на нынешнюю и будущую клевету... Она сейчас напечатана, документ о его реабилитации, где написано, что он увлекал своих подчиненных, как он сражался храбро и прочее.

Старший лейтенант Александр Солженицын. Брянский фронт, 1943

Н.Ф.: Да, да.

Е.Ч.: Нет, это всегда, конечно, было. Я не знаю, откуда такой у него взгляд.

Н.Ф.: А вот вы еще рассказывали, что «Архипелаг ГУЛАГ», который вы перепечатывали и были основной

машинисткой, что он тоже вызывал у вас, некоторые главы...

Е.Ч.: Я с ним спорила по поводу власовских глав.

Н.Ф.: И как это? Расскажите.

Е.Ч.: Это вообще интересно, потому что меня они в свое время... Это было единственное, в чем я почувствовала несогласие с «Архипелагом». То есть я все-таки считала, что власовцы, *тогда* считала, что они предатели. У нас, по-моему, в прошлом году шел фильм о власовской армии, где показывалось, что они несколько месяцев в окружении вместе с обозами мирных жителей выходили по болотам.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: Но тогда я ничего этого не знала, а просто считала, что они предатели, что во время войны поворачивать оружие против своих... Конечно, не мне было бы спорить с человеком, который воевал. Вот, например, Надежда Григорьевна, вы ее знаете...

Н.Ф.: Да, конечно, конечно.

Е.Ч.: Она, по-моему, в оккупации была, и она более спокойно относилась к власовцам. Я всегда говорила, что не у всех был такой выбор. Например, моего отца они бы расстреляли, поскольку мой отец еврей. Но это еще имело замечательное продолжение, поскольку потом одно время писали, что именно Цезарь Вольпе (*усмехается*) был главным комиссаром у Власова. Но потом это все оказалось ошибочным, естественно. Результатом этих споров было только то, что Александр Исаевич расширил эту главу, и она осталась. И, кстати, главный удар нашей критики пришелся как раз по ней.

Н.Ф.: То есть расширил в первом томе? Это речь шла о первом томе? Потому что власовская тема дважды появляется, в первом и третьем, насколько я помню.

Е.Ч.: Я думаю, что в первом. В первом, потому что в третьем...

Н.Ф.: В первом — по сравнению с тем промежуточным вариантом, да?

Е.Ч.: Да. Во всяком случае, он никуда не... Самутин, у которого конфисковывали архив, был власовец. И я тоже, значит, очень против этого ворчала, я же с ним познакомилась в Ленинграде.

Н.Ф.: Через Елизавету Денисовну.

Е.Ч.: Да, он пришел к Елизавете Денисовне и мне сказал: «Я не знаю, как вы ко мне отнесетесь». Я говорю: «Как я отнесусь к вам, я не знаю, к власовской армии я отношусь отрицательно». Потом... жуткие воспоминания напечатали его, но, правда, вроде не совсем его. Печатали Военно-исторический архив.

Н.Ф.: Но потом вроде запретила его вдова печатать.

Е.Ч.: Да. В общем, там была своя история, уже не поймешь, что он писал, что не он. Конечно, я понимаю, что вот так вот, сидя на стуле, судить этих людей надо, очень подумавши, потому что... Сколько лет он отсидел? Двадцать пять, кажется...

Н.Ф.: Его роль оказалась двусмысленной во всей истории. И, что меня удивило, его, кстати, нет среди свидетелей «Архипелага».

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: Казалось бы, хороший знакомый, тема власовской армии Александра Исаевича очень интересовала, и я удивился, почему...

Е.Ч.: Да, это странно. Там есть Власов, но не этот.

Н.Ф.: Да, это другой.

Е.Ч.: Это же Самутин, так что это совсем другой.

Н.Ф.: Понятно.

Е.Ч.: Да вся ленинградская история, она немножко, может быть, прояснилась этим «Кремлевским самосудом», но в общем же ничего не известно о ней.

Н.Ф.: Неизвестно.

Е.Ч.: Совершенно. Я пробовала, вернее, пробовал один ленинградский исследователь сейчас добраться до конфискованных материалов, но, говорят, ничего не сохранилось.

Н.Ф.: Ну понятно, да. Но непонятно, откуда тогда берется то, что там публикуют время от времени...

Е.Ч.: А, ну да. Но это какого года... Все проклинают «лихие девяностые», — но всё, что печаталось, печаталось тогда.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: А сжигалось, может быть, и позже. Я уже сейчас не помню, когда издан «Кремлевский самосуд».

Н.Ф.: А мне кажется, что если бы сжигалось, это сжигалось бы как раз в 1989-м — 1990-м, в начале 1991-го.

Е.Ч.: Я хорошо помню, что мне подарили записывающий аппарат году в 1992-м, а до этого был фильм о 1991 годе, как на Старой площади уничтожают в течение недели документы: резательный станок, дым, паспорта... Это один раз показали, если бы это было позже, я бы записала, но тогда я еще не могла записывать. Уничтожали очень многое, конечно.

Н.Ф.: Хотя, может быть, у них такая практика постоянная? Потому что я знаю, что в любом учреждении на Западе, где есть секретность, там эти машины, которые все уничтожают, непрерывно работали. Читаешь всякие шпионские...

Е.Ч.: Ну вряд ли. Надо посмотреть, когда вышел «Кремлевский самосуд». Давайте я посмотрю. *(Ищет.)* У Александра Исаевича была знакомая в Рязани Наташа Радугина.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: И я ее очень подбивала — у нее все конфисковали — подать заявление, попросить обратно свой архив, рукописи. Она подала заявление, ничего ей не вернули, сказали: «Всё сожжено».

Н.Ф.: Это странно, конечно.

Е.Ч.: «Родина», 1994 год. Интересно.

Н.Ф.: Да, действительно. А как развивалась тема с вашим недовольством власовской темой?

Е.Ч.: Тема никак не развивалась. Я читала, допустим, что-то по этому поводу и говорила.

Нападение в подъезде и авария на Садовом кольце

Н.Ф.: У Александра Исаевича есть такая фраза, что вы играли важную очень роль в команде его помощников, были начальником его штаба, как он говорит, и что это стало быстро известно в КГБ. Из чего он делает такой вывод, как вам кажется?

Е.Ч.: Вот это я не знаю, потому что как раз удивительным образом меня совершенно не трогали. Каких-то девочек ленинградских, учительниц, которые ему что-то написали, поздравление ко дню рождения, затаскали потом. И после его высылки всех вызывали, а меня не вызывали, и на работе меня совершенно не теснили до тех пор вот, пока я в 1974 году, в декабре, не послала эту злополучную телеграмму поздравительную, с телеграфа. Вот тут сразу они отреагировали.

Н.Ф.: И что? Позвонили...

Е.Ч.: Мне позвонил Гордеев из КГБ, пытались меня вызвать, потом стали грозить — это все описано.

Н.Ф.: Ну, был же очень неприятный, страшный эпизод, когда на вас напали в подъезде.

Е.Ч.: Да, это был действительно неприятный эпизод, но дело в том, что здесь постоянно, когда приезжал Александр Исаевич, у нас стояли и смотрели в окно какие-то личности, и я к этому привыкла. Они стояли перед окнами и смотрели как бы во двор.

Н.Ф.: А, там, на лестнице.

Е.Ч.: На лестнице. И я на это не обращала внимания. И тут я сама сгруппировалась, потому что у нас почта — вы будете спускаться, можете увидеть, — надо подняться.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: Там окошко, и там стоял человек. Можно было совершенно спокойно туда не ходить, за почтой. Это был час дня, надо было просто выйти за дверь, и все. А я полезла вынимать почту, считая, что стоят эти самые...

Н.Ф.: В каком году это было?

Е.Ч.: Это был год, по-моему, 1972-й. И он на меня напал, чего я совершенно, конечно, не ожидала.

Н.Ф.: Один был?

Е.Ч.: Да. Мне рот зажал рукой, кинул на пол, начал головой постукивать. Но в этот момент, так как это был день, вы представляете себе нашу лестницу, открылась дверь и кто-то вошел.

Н.Ф.: Снизу.

Е.Ч.: Снизу, да. Вошла, как выяснилось потом, какая-то тетка. Но так как ему это было не видно, он разжал руки, и я как поросенок завизжала. Тетка очень испугалась, а он убежал.

Н.Ф.: Прямо мимо тетки.

Е.Ч.: Мимо тетки пробежал и убежал. И он у меня даже портфель не вырвал, в котором были как раз какие-то рукописи. Но напугалась я ужасно, и долго очень, по-моему, год боялась входить в подъезд. А главное — на следующий день я возвращаюсь с работы, озираюсь, никого нет, вхожу в подъезд — и сразу следом хлопает дверь, входят трое. Я бегом по лестнице — они за мной, приходят сюда, — милиция, хотя я им не жаловалась. Они выясняли, что было.

Н.Ф.: Они в форме были?

Е.Ч.: Нет, не в форме. Это я запомнила, потому что маме не очень описывала эту всю картину, а тут она вышла, села. Значит, пришли спрашивать. А мы им не жаловались, то есть не звонили, никаких заявлений не было.

Н.Ф.: И что, они здесь сидят, втроем?..

Е.Ч.: Они спрашивали, что случилось, почему напали, как выглядели.

Н.Ф.: Не ходили по квартире?

Е.Ч.: Нет, по квартире не ходили.

Н.Ф.: Как-то это все-таки странно... В вашем описании эта картина очень странной представляется. Такое впечатление, что он не планировал на вас напасть заранее.

Е.Ч.: Я просто не знаю. Вот если бы я не пошла туда... Так же, как и с аварией, например, Александр

Исаевич считал, что она подстроена.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: А я считала, что совсем не обязательно, потому что это подстроить было очень трудно. Меня утром, срочно, вызвали на работу, я взяла такси на улице, это не знаю, какое должно быть наблюдение.

Н.Ф.: Да-да.

Е.Ч.: Колоссальное. Авария произошла на Садовом кольце, в четырехрядном движении.

Н.Ф.: А по какому поводу вас вызвали на работу?

Е.Ч.: Я уже не помню, что-то сдавали там, какой-то...

Н.Ф.: Но вы не проверяли потом?

Е.Ч.: Нет, я надолго попала в больницу, ничего не проверяла.

Н.Ф.: Потому что, вообще говоря, это можно рассматривать как аргумент как раз против вашей версии. Вызывают — значит, точно поедет на машине, срочно...

Е.Ч.: Ну почему...

Н.Ф.: ...по определенному маршруту.

Е.Ч.: Нет, всё неопределенно, маршруты разные, нет.

Н.Ф.: Как ехать в ваш институт? Понятно, что по Садовой отсюда.

Е.Ч.: Ну почему? Я всегда на автобусе ездила, тогда можно было по Моховой и далее.

Н.Ф.: Но ведь срочно же.

Е.Ч.: Ну и что, можно было и по Моховой. И срочно, еще более срочно. По-моему, для аварий, подстроенных, Садовое кольцо не подходит, потому что там четырехрядное движение. Потом был суд, я была на этом суде.

Н.Ф.: А вы в каком были ряду, как это было, как вы сидели? Вы сидели сзади?

Е.Ч.: Нет, я сидела впереди.

Н.Ф.: Впереди.

Е.Ч.: Но тогда не привязанные (*имеется в виду пристегнутые — ред.*) были, и я головой выбила стекло, была такая пулевая дырка в стекле. Потому что мы были, допустим, в третьем или во втором ряду, а из соседнего ряда выехал и повернулся, шлагбаумом грузовик встал, и мы влетели в этот грузовик. Я была на суде, видела водителя грузовика. Это оказался парень, военный, который, как он сказал, по городу не ездил, ездил где-то в части по полю. Его послали здесь в какое-то учреждение, и он увидел, что проехал нужный дом. Он увидел, что проехал нужный дом и решил повернуть обратно, так он объяснил свое поведение.

Н.Ф.: И он объяснял, что это за дом, куда он ехал?

Е.Ч.: Ну да, какой-то был дом, который он назвал, куда он ехал, он его проехал. Свидетелями собрали водителей, которые присутствовали при этом, и они потом ко мне подходили и сказали: вы в сорочке родились, потому что авария была жуткая. Там сплющило машину, я выбила стекло, крыша сломалась, в общем, тяжелое было столкновение. И я довольно долго, я попала к Склифосовскому потом...

Н.Ф.: А что было с водителем?

Е.Ч.: Потом вот был суд.

Н.Ф.: Нет, с водителем вашей машины.

Е.Ч.: Ничего не было, он стукнулся моей стороной как раз, абсолютно ничего не было. Сломалась, повредилась эта сторона машины и... и я.

Н.Ф.: Это был 1973-й тоже год?

Е.Ч.: Да, это был год, когда я все время ходила... У нас остановили лифт, а мама не могла подняться на шестой этаж. Она ездила на половину недели на дачу, и Александр Исаевич пригласил ее пожить в их квартире, поскольку они все жили на даче в это время. Она жила в квартире Солженицына, а я ходила туда три раза в день, носила ей еду, она уже плохо видела. В общем, ходила с какими-то делами и вынимала эту почту угрожающую, как раз грозили Солженицыну: несите нам чемодан денег, иначе кто-то пострадает, и прочее. Так это все совпало, но тем не менее я считаю, что нет, это была просто автоавария.

Н.Ф.: Ну, железных доказательств, конечно, никогда не может быть в таком деле. Это понятно.

Е.Ч.: Нет, не может быть.

Н.Ф.: А за сколько месяцев эта история в подъезде была перед аварией?

Е.Ч.: Ой, это я не помню.

Н.Ф.: Это было лето?

Е.Ч.: Это была весна. Я куда-то шла, это было связано с «Августом», несла рукопись «Августа». Это, может быть, 1971-й или 1972-й. Но там никакой аварии не было, там был просто большой испуг, я очень долго потом боялась входить в подъезды.

Первая встреча с Солженицыным

Н.Ф.: Да, страшная, действительно, история. Вот у меня еще такой вопрос... Странная фраза у Александра Исаевича, которую я не понимаю: он описывает вашу первую встречу в Переделкине, и что он вам показался очень бодрым для того положения, вы мне тоже рассказывали, что ожидали увидеть человека сломленного, испуганного, а он был бодр, общителен. И он говорит: «У меня нулевая точка была завышена». «Нулевая точка завышена», такой технический термин.

Е.Ч.: Я просто не знаю, как-то не обратила внимания.

Н.Ф.: Что вроде он ощущал себя очень скверно, как он описывает, лежал один, думал о том, что будет дальше. «Нулевая точка завышена» — меня это...

Е.Ч.: Надо мне перечисть, я как-то это не заметила. Но я помню вот что... Он появился, я в это время приехала из Чехословакии в Переделкино и застала всех напуганными. Мне велели внизу не говорить по телефону, не мешать. Корней Иванович позвал Александра Исаевича гулять, но он отказался, сказал, чтобы его не трогать. Он поселился в комнате Колиной, сидел в этой комнате. А к Корнею Ивановичу приехала Наталья Ивановна Столярова в гости.

” Мы сидели в столовой, и вдруг, к нашему изумлению, вышел из комнаты этот всех напугавший Солженицын, очень приветливый.

А он очень был рад. Как выяснилось впоследствии, он с ней был связан разными делами, обстоятельствами. Потом пошел ее провожать и сидел с нами за столом так, очень светски, и это было

начало знакомства.

Н.Ф.: По рассказам Надежды Григорьевны я знаю, что Александр Исаевич не любил таких вот посиделок, чаев...

Е.Ч.: Абсолютно.

Н.Ф.: То есть это был редкий случай на самом деле.

Е.Ч.: Ну да. Но там больших посиделок не было, потому что Корней Иванович тоже терпеть не мог чаев и посиделок, но, в общем, все минут пятнадцать—двадцать спокойно посидели за столом.

Н.Ф.: А, то есть всего...

Е.Ч.: Да, не более того.

Н.Ф.: А вы помните, как зовут вот несчастного водителя, который на вас тогда вот так наехал?

Е.Ч.: Нет, не помню совершенно, потому что когда я ехала в такси, я понятия не имела, как его зовут, а на суде я не заинтересовалась, не запомнила. То есть, конечно, там это объявляли, но я не запомнила.

Солженицын и Карлайлы

Н.Ф.: Понятно. А вы были знакомы с Карлайлами, да?

Е.Ч.: Да, с Олей знакома. Дело в том, что Анечка Сосинская, ее племянница, работала у нас, очень успешно, в Переделкинском доме экскурсоводом. Корней Иванович еще был знаком с Олей, ее портрет даже стоит у него в кабинете, поскольку он дружил очень со всеми Андреевыми: и с Вадимом Леонидовичем, когда он приезжал, и с его женой, и Даниила я видела, в общем, как-то он со всеми с ними поддерживал дружеские отношения. И так же возникла и Оля, дочь Вадима. Она была переводчицей, и я помню, что она пришла к Корнею Ивановичу, когда они выпустили какую-то антологию. Она переводила стихи наших поэтов, чуть ли не Мандельштама, и Корней Иванович ее очень ругал за эти переводы. Но, в общем, отношения были хорошими. А потом, когда у нас работала ее племянница, я несколько раз, приехав в Переделкино, с изумлением заставала у нас в гостях Олю... Это был конец 1980-х, по-моему. Так что я ее знаю, да.

Н.Ф.: А что там произошло с переводом этим?

Е.Ч.: Александр Исаевич подробно об этом написал, он считал, что они очень его подвели... Дело в том, что, когда его выслали, «Архипелаг» был отправлен на Запад в 1968 году, и они обещали подготовить переводы, чтобы выходило все одновременно. Он пишет, что если бы вышел английский перевод, он считает, что его бы не выслали... А они не успели... Он подробно полемизирует с ними, я могу только пересказывать, потому что все их расхождения возникли там.

Н.Ф.: Конечно, это уже там.

Е.Ч.: Во всяком случае, он считал... Но я читала ее книгу, она же выпустила целую книгу...

Н.Ф.: Я не читал. На русском?

Е.Ч.: На русском, она у нас выходила, по-моему, не один раз. А потом они судились, очень трудно там с ней складывались отношения.

Н.Ф.: Понятно. То есть существует два перевода «Архипелага», их перевод ведь тоже вышел, да?

Е.Ч.: Вот это я боюсь уже, не знаю просто. По-моему, их перевод не вышел. И переводов я этих не видела.

Н.Ф.: А вы были знакомы с Пахтусовой?

Е.Ч.: Нет. С ней была знакома Наталья Владимировна Кинд. Я была знакома с Натальей Владимировной и с ее замечательной подругой Ларисой Попугаевой, нашей открывательницей алмазов. Я как-то недавно видела, показывало телевидение о ней фильм, замечательная женщина.

Н.Ф.: Их уже нет никого.

Е.Ч.: Никого нет, ни Натальи Владимировны, ни Ларисы.

Н.Ф.: Наверное, уже несколько лет.

Е.Ч.: Да-да. Вот Наталья Владимировна была с Пахтусовой знакома, и, по-моему, она же в одну из поездок привезла из Ленинграда какие-то протоколы. Что-то она выясняла в связи с Ленинградским делом, я сейчас хорошо не помню.

Н.Ф.: Понятно. А Пахтусова как-то исчезла совсем...

Е.Ч.: Она же была приятельницей Елизаветы Денисовны.

Н.Ф.: Да-да.

Е.Ч.: Я ее совсем не знала, так что ничего не могу сказать. Даже не знаю, как ее зовут, вот только читала здесь.

«Образованщина»

Н.Ф.: Так, понятно. А еще вы мне рассказывали, как вы тоже были недовольны этим термином «образованцы» и подписали свою статью. А вы ее послали Александру Исаевичу, он знал, что это выйдет?

Е.Ч.: Да. Он знал, конечно. Я подписалась «Советская образованщина».

Н.Ф.: Да-да-да.

Е.Ч.: Эта статья скоро выйдет в моей книжке.

Н.Ф.: А я не знаю.

Е.Ч.: Я же вам, по-моему, рассказывала, что мне дали Солженицынскую премию. Примерно через год или через два, уже не помню, когда я была на очередном вручении, подошла ко мне Наталья Дмитриевна вместе с каким-то человеком, который сказал, что издательство «Русский мир» издает, каждый лауреат должен издать там книгу. Я страшно испугалась, думаю, какую книгу я буду издавать, интересно знать? Но потом пособирала разные статьи газетные, предисловия, послесловия, комментарии, — в общем, настригла и собрала книгу. Сдала ее довольно давно, и она как-то канула, по-моему, года на два, ничего не было о ней слышно. Я думала, ничего не будет, но сейчас ее сверстали. Весь май я ее сдавала уже в последний какой-то раз, то есть я полностью все сдала. Думаю, в этом году она выйдет. И там будет статья, подписанная «Советская образованщина»*.

* Чуковская Е.Ц. «Чукоккала» и около. Изд.: Русский мир. Серия: Литературная премия Александра Солженицына, 2014 г.

Н.Ф.: Понятно. То есть вы считаете, что все-таки Синявский был инициатором этого расхождения и конфликта? Что это от него исходило.

Е.Ч.: Знаете, я не могу так прямо сказать. Мне очень не понравилось его... Вообще все, что он писал, мне не нравилось. И не понравилась очень его статья, против которой я возражала, «Вторая литература и литературный процесс в России». И все-таки я посмотрела... Это был год, по-моему, 1974-й — 1975-й, когда начал выходить «Континент». Допустим, 1975-й (*Журнал начал выходить в 1974 году. — Ред.*). Он пишет о русской прозе, вообще не упоминая Солженицына. Это довольно странно.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: То есть какой-то, конечно, замысел у него был.

Н.Ф.: Это о каких-то пристрастиях говорит, но все-таки еще не о конфликте.

Е.Ч.: Ну, конфликт там разворачивался, но я его не представляю себе в оттенках, потому что он потом стал издавать журнал «Синтаксис», который я не читала. Ничего не могу сказать, кроме отрицательного отношения к тому, что он писал.

Н.Ф.: Понятно. Такое у меня ощущение, что мы исчерпали, хотя, думаю, тем очень много, но...

Е.Ч.: Да, более-менее, да.